

Глава I

Наше общество

Начнем с того, что Крэнфордом владеют амазонки: если плата за дом превышает определенную цифру, в нем непременно проживает дама или девица. Когда в городе поселяется супружеская пара, глава дома так или иначе исчезает; либо он до смерти пугается, обнаружив, что он — единственный мужчина на всех званых крэнфордских вечерах, либо его полк расквартирован где-то далеко, а корабль ушел в плаванье, или же он всю неделю проводит, занимаясь делами, в большом торговом городе Драмбле, до которого от Крэнфорда всего двадцать миль по железной дороге. Короче говоря, какова бы ни была судьба мужей, в Крэнфорде их не видно. Да и что бы они там делали? Врач совершает свой тридцатимильный объезд больных и ночует в Крэнфорде, но каждый мужчина ведь не может быть врачом. А для того чтобы содержать аккуратные садики в образцовом порядке и выращивать на клумбах чудесные цветы без единого сорняка, чтобы отпугивать мальчуганов, которые жадно взирают на вышеупомянутые цветы сквозь садовую решетку, чтобы прогонять гусей, иной раз забирающихся в сад, если калитка останется открытой, чтобы разрешать все спорные вопросы литературы и политики, не затрудняя себя доказательствами и логикой, чтобы получать верные и обстоятельные сведения о делах всех и каждого в приходе,

чтобы муштровать своих чистеньких служанок, чтобы благодетельствовать (довольно-таки деспотично) беднякам и с искренней добротой помогать друг другу в беде — для всего этого крэнфордским дамам помощники не нужны, они отлично справляются сами. «Мужчина в доме, — как-то сказала одна из них, — очень мешает!» Хотя каждая крэнфордская дама знает о делах своих приятельниц все, мнение этих приятельниц ее совершенно не трогает. Более того: поскольку каждой из них свойственно значительное своеобразие характера, чтобы не сказать — чудачество, то словесное воздаяние никого из них не затруднило бы, но почему-то они по большей части живут в самом благожелательном согласии.

Лишь иногда между крэнфордскими дамами вспыхивают небольшие ссоры, которые разрешаются несколькими колкостями и сердитым вздергиванием подбородка — как раз достаточно, чтобы их тихая жизнь не стала совсем уж пресной. Платья их ничуть не зависят от моды. «Что за важность, — говорят они, — как мы одеты в Крэнфорде, где нас все знают?» А если они уезжают куда-нибудь еще, этот довод остается столь же веским: «Что за важность, как мы одеты здесь, где нас никто не знает?» Платья их обычно сшиты из добротной, хотя и простой ткани, и никто не мог бы выглядеть опрятней этих дам, однако ручаюсь, что последние в Англии рукава с широким буфом, последнюю узкую и простую юбку можно было видеть именно в Крэнфорде, и там они ни у кого не вызвали улыбки.

Я не раз собственными глазами видела великолепный семейный зонтик из красного шелка, под которым кроткая старая дева, последняя из многочисленных братьев и сестер, семенила в церковь, если день был дождливым.

А у вас в Лондоне есть красные шелковые зонтики? Первый зонтик, появившийся в Крэнфорде, стал местной легендой, мальчишки толпами бегали за ним и называли его «фижмы на палочке». Быть может, он и был тем красным шелковым зонтиком, о котором я упомянула, но тогда его держал над своим малолетним потомством молодой сильный отец. Бедная старушка, единственная оставшаяся в живых из всей семьи, поднимала его с большим трудом.

Визиты наносились и отдавались согласно со строгими правилами и установлениями, и молодым девицам, гостившим в городке, эти правила возвещались с той же торжественностью, с какой древние законы острова Мэн раз в год читались вслух на горе Тинуолд.

— Наши друзья прислали узнать, как вы себя чувствуете после дороги, милочка (пятнадцать миль в железнодорожном вагоне). Они дадут вам отдохнуть завтра, но послезавтра, конечно, заедут к нам, так что после двенадцати будьте, пожалуйста, свободны — с двенадцати до трех мы дома и принимаем.

И далее, когда визит уже нанесен:

— Сегодня третий день. Ваша маменька, наверное, говорила вам, милочка, что визиты полагается отдавать не позже чем через три дня и что оставаться дольше пятнадцати минут не следует.

— Но разве можно в гостях смотреть на свои часы? А как иначе я узнаю, что пятнадцать минут уже прошли?

— Вы должны все время думать о времени, милочка, не забывая о нем, как бы вас ни занимал разговор.

Так как, нанося и отдавая визиты, все твердо помнили это правило, то ни о чем интересном, разумеется, никто никогда не разговаривал. Мы обменивались корот-

кими фразами на общепринятые темы и вставали, чтобы проститься, ровно через пятнадцать минут.

Полагаю, что некоторые из благородных обитательниц Крэнфорда были бедны и лишь с трудом сводили концы с концами, но, подобно спартанцам, они прятали свои страдания за улыбками. Мы никогда не говорили о деньгах, так как эта тема имела привкус торговли и ремесла, а мы, включая самых бедных, все были аристократичны. В крэнфордском обществе царил благодетельный *esprit de corps*¹, и если чьи-либо усилия скрыть свою бедность не увенчивались полным успехом, никто не замечал их тщетности. Когда, например, миссис Форрестер дала званный чай в своем кукольном домике и девочка-служанка попросила сидящих на диване дам привстать, чтобы она могла вытащить из-под него чайный поднос, все приняли подобное новшество как нечто совершенно естественное и продолжали беседовать о домашнем этикете и церемониях так, словно мы все верили, будто в доме нашей хозяйки есть половина для слуг, где за столом председательствуют экономка и дворецкий, и она не обходится одной девочкой из приюта, чьи маленькие красные ручки не донесли бы поднос наверх без помощи самой миссис Форрестер, которая сейчас восседала в парадном туалете, делая вид, что не имеет ни малейшего представления о том, каким печеньем собирается угостить нас повар, хотя она знала, и мы знали, и она знала, что мы знаем, и мы знали, что она знает, что мы знаем, что она все утро пекла чайные хлебцы и пирожки из пресного теста.

У этой всеобщей, хотя и не признанной бедности и всеми весьма признаваемой аристократичности были

¹ Корпоративный дух (*франц.*)

два-три отнюдь не лишние следствия, которые могли бы принести пользу любым кругам общества. Например, обитатели Крэнфорда рано ложились спать и в девять часов уже семенили домой в своих деревянных калошках под охраной служанки с фонарем, а к половине одиннадцатого весь город тихо отходил ко сну. Кроме того, подавать на вечерних приемах какие-либо дорогие напитки или кушанья считалось «вульгарным» (слово, которое в Крэнфорде обладало невероятной силой). Тончайшие ломтики хлеба, чуть-чуть смазанные маслом, и маленькие бисквиты — вот все, что предлагала своим гостям высокородная миссис Джеймисон, а она, хотя и практиковала столь «элегантную экономность», была невесткой покойного графа Гленмайра.

«Элегантная экономность»! Как легко и естественно впадаешь во фразеологию Крэнфорда! Там экономия всегда была «элегантной», а денежные траты — «вульгарной чванливостью», и эта убежденность в том, что виноград-то зелен, даровала нам всем душевный покой и умиротворенность. Никогда не забуду, какой ужас и смущение вызвал некий капитан Браун, который, поселившись в Крэнфорде, во всеуслышанье заявил, что он беден, — и не шепотом ближайшему другу, предварительно заперев все окна и двери, а посреди улицы! Громким военным голосом, ссылаясь на свою бедность, как на причину, почему он не снял вот этот дом! Крэнфордские дамы и так уже скорбели из-за того, что в их владения вторгся мужчина и джентльмен. Он был капитаном в отставке и получил место на железной дороге, против строительства которой городок слал негодующие петиции. И если вдобавок к своему мужскому роду и к связи с омерзительной железной дорогой он еще